

Б.Л. Щербов

ДВА ВЕЧЕРА С ФЕЛИКСОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ ШАХОВЫМ И ВОСПОМИНАНИЯ О МОЛОДОСТИ АКАДЕМГОРОДКА

Имею право считать себя учеником Феликса Николаевича: более десяти лет я проработал в его лаборатории, был с ним вместе в поле, видел и ощущал его огромное положительное влияние на мировоззрение и систему научного мышления сотрудников лаборатории, отдела и себя лично. Именно в общении с ним я понял, что надо постоянно повышать и совершенствовать свое образование. Он для меня являлся классическим примером настоящего ученого. Правда, я стал младшим научным сотрудником лишь за несколько месяцев до его кончины, но помню, что он, находясь в то время в больнице, был очень рад, когда я ему об этом сообщил.

Этот Человек оставил у меня самую теплую память, граничащую с почитанием, хотя заповедь «не сотвори себе кумира» – это мое. Помню, один из сотрудников принес ему свою статью – он не позволял отправлять материалы в печать без его просмотра. Это, кстати, было узаконенным правилом в ИГиГ, вписанным в должностную инструкцию завлаба. После



Члены-корреспонденты АН СССР
Ю.А. Косыгин и Ф.Н. Шахов. 1968 г.

правок профессора автор вставил его в соавторы. Надо было видеть, как Феликс Николаевич, побагровев, его отчитывал: «Запомните, я ваш руководитель и выполняю свои обязанности, – сказал он, – и никакого права не имею на соавторство в вашей статье. Вычеркните меня и никогда больше этого не делайте!» Теперь, когда я слышу и вижу (довольно часто), как некоторые завлабы напропалую и беззастенчиво вписывают свое имя в соавторы своих сотрудников, передо мной всегда встает разгневанный шеф. Недаром, когда на ученом совете института отмечалось его 75-летие, академик Борис Сергеевич Соколов сказал: «Особо я хотел бы отметить вашу, Феликс Николаевич, высокую порядочность, что в наше время встречается редко».

Некоторыми эпизодами общения с этим замечательным Человеком хочется мне поделиться в своих воспоминаниях, но для краткости остановлюсь только на двух вечерах.

Вечер первый. Год 1966-й, Камчатка, Срединный Камчатский хребет. Ф.Н. Шахов, Г.Н. Аношин и автор этих строк прибыли для ознакомления на Оганчинское золоторудное месторождение, где размещалась геолого-разведочная партия. Вертолетная площадка находилась в двух-трех километрах от базы, но Феликс Николаевич мужественно и без особых проблем преодолел это расстояние в гору. Это в семьдесят лет, да при его-то здоровье!

Мы поставили для себя небольшую палатку на троих, но местное руководство любезно попросило профессора поселиться в большой и самой теплой (единственно отапливаемой) десятиместной палатке, служившей днем всем членам геологической партии чем-то вроде места общего сбора. В вечернее время в ней размещался временный рабочий персонал (шурфовщики, канавщики) – преимущественно бродяжий люд, включавший бичей и других личностей, после каждого летнего сезона собиравшихся «на материк». Но дальше Хабаровска (первой посадки любого самолета, летевшего из Петропавловска) на запад они никогда не попадали по причине встречи с такими же бедолагами.

Пробыв несколько часов в этой компании, Феликс Николаевич попросил меня сохранить в нашей палатке его полевую сумку с деньгами и всеми документами. «Лихие ребята», – сказал он. Прошла ночь. Утром я зашел в этот «красный уголок». Картина умильная: в середине сидит профессор и что-то рассказывает, вокруг него народ в рабочих робах – пора идти на работу, но никто не спешит, включая и руководство. Я вышел наружу. Через некоторое время подошел Феликс Николаевич и говорит: «Боря, принесите мою сумку. Ребята замечательные».

Что оказалось? Вечером местный люд начал беседы на своем привычном языке, а Феликс Николаевич послушал-послушал да и подключился к разговору. После этого никто не говорил, только слушали профессора. Позже ребята рассказали, что такой «фени», как у него, они ни разу в жизни не слышали. Откуда им было знать, что он сидел в тюрьме, затем четыре года провел на Колыме не по своей воле – а это большая школа, да и память у него была феноменальная. Местное население просило нас не увозить от них Феликса Николаевича как можно дольше, а главный повар – гигант двухметрового роста с кулаками-кувалдами – стал готовить для него



Б.Л. Щербов перед защитой кандидатской диссертации: спокоен, весел, бодр духом. 1980 г.

отдельные блюда, вообще взял над ним шефство и никого к нему не подпускал. В лучах славы нашего шефа и мы «выросли». А когда уезжали, все высыпали на проводы Феликса Николаевича, шеф-повар провожал его до самой вертолетной площадки, снабдив какими-то изысками на дорогу и едва не всплакнув на прощание. Меня до сих пор восхищает способность Феликса Николаевича легко входить в контакт с людьми различных сословий и разговаривать с ними на их языке. А язык его был – позавидуешь!

Вечер второй, середина 1960-х. Комната № 346 в главном корпусе ИГиГ. Я задержался на работе. Сижу один, вошел Феликс Николаевич, присел у стола, задал какой-то вопрос – не помню. Потом попросил заварить чайку. Я заварил. После мы о чем-то говорили. Я уже тогда относил себя к людям, которые не совсем серьезно воспринимали все наши «догоним и перегоним Америку», «наше поколение будет жить при коммунизме» и тому подобное. Постепенно, не знаю как, меня понесло в сторону иронии по поводу всех этих, как сказал бы Антон Павлович Чехов, мерлихлюндий. Говорил долго, Ф.Н. не прерывал моего монолога. Когда я постепенно выдохся, он встал, провел по усам ладонью (был у него такой красивый жест, он мне очень нравился) и сказал фразу, от которой я оторопел:

– Знаете, Боря, меня вообще-то не надо испытывать. Так и скажите *там*, – сделав ударение на этом коротком слове.

– Где – там? – удивился я.

– Ну, вы лучше меня знаете, – сказал он и ушел.

До меня наконец дошло: все закипело внутри – ну как же, попал в сексоты. Кипел я долго. Несколько недель обходил Феликса Николаевича стороной (да простит он меня!), но потом поостыл и был способен думать. Ученый, в тридцать лет ставший профессором, пользовавшийся огромным уважением у коллег и студентов, никогда не занимавшийся политикой и так много сделавший для страны, ни с того ни с сего на пять лет был отключен от любимой работы, от семьи и друзей по доносу какого-то подонка! Зинаида Павловна (его жена) рассказывала мне, каким она увидела в Томске Феликса Николаевича после Колымы – изможденного и очень усталого. Но сначала с зоны он прилетел в Новосибирск, остановился на несколько дней в квартире В.М. Клярковского и Н.Х. Белоус, которые полностью его

переодели. Оформив необходимые документы, восстановился на работе в ГГИ ЗСФАН (как совместитель) и лишь потом поехал поездом в Томск. Конечно же, эти годы оставили в его душе тяжелый след, но на людей он не озлобился и даже заметно подобрел, как вспоминали его бывшие сотрудники и аспиранты.

Меня до сих пор не оставляет чувство вины перед этим Человеком. Прости меня, Феликс Николаевич! Впрочем, он уже давно простил. Я это знаю по его отношению ко мне.

* * *

Хочу сказать несколько слов о далеких 1960-х годах, когда наш конференц-зал был



Празднование только что учрежденного в СССР Дня геолога. Конференц-зал ИГиГ, 1966 г.

настоящим очагом культуры. И единственным в Академгородке! Здесь выступали многие по-нынешнему – звезды, а тогда – просто народные артисты (Марк Бернес, Инна Макарова, Вера Августовна Лотар-Шевченко, еще кто-то – теперь уж всех и не вспомню), нынешним «звездам» – не чета. Здесь показывали кино, проходили поэтические вечера, разнообразные дискуссии. Народ собирался со всего городка. О чем-то спорили, что-то кричали. В общем, жизнь кипела.

Здесь проходили и первые самостоятельные выступления. Наша самостоятельность была наивной и искренней. В ней принимали участие Татьяна и Юра Нефёдкины, сестры Лида и Надя Поповы, Володя Вагнер (единственный человек с музыкальным образованием) и Коля Резников, Володя Хрущёв и Саша Чернышенко, Надя Соснина и Валера Щеглов, Валя Цимбалист и Коля Сапожников. Ой, да много еще было энтузиастов! Мы сами украшали зал, подбирали репертуар – в общем, всё сами. Старшее поколение до сих пор без смеха не может вспоминать демонстрацию геологической полевой моды, танец маленьких лебедей в исполнении мужского трио и много всякого такого – наивного и искреннего. Теперь иных уж нет, а те рядом, но их уже не зовут Коля или Надя – всех, кто остался, только по отчеству. Время подошло.

Мы очень радовались установлению Дня геолога в 1966 г. и экспромтом устроили некоторое представление, в котором прозвучало поздравление от «пионеров». Тогда на всех мероприятиях самого высокого ранга пионеры были в обязательном порядке! Нашим пионерам было по 20–25 лет. Я тогда написал, как мог (уж не судите строго), приветственные слова:

Ведущий:

Геолог шагает устало,
Плывет по бурлящей воде.
Прошел он немало, бывал он везде,
И ветры играли, и солнце пылало
В сезонной его бороде.

Пионеры (по очереди):

Мы дети колхозов и пашен,
Пришли поздравлять пап и мам.
За детство счастливое наше
Спасибо, геологи, вам!

Работать, строить и не ныть,
Нам к новой жизни путь указан!
Ученым можешь ты не быть,
Но быть геологом обязан!

Учиться мы должны, как львы, –
Работа и для нас найдется.
Когда на пенсию уйдете вы,
Нам рюкзаки таскать придется.



Н. Резников и В. Вагнер – в молодости постоянные участники художественной самостоятельности ИГиГ. 1990 г.



Пионерия ИГиГ приветствует сотрудников в первый День геолога. Пионервожатый – Б.Л. Щербов, знаменосец – В. Вагнер, музыкальное сопровождение – Э. Хайковский, Н. Соснина, звеньевые – Н.Н. Сапожников, В.И. Щеглов и др. 1966 г.



Н.Н. Сапозжников, активный участник геологических капустников и спектаклей

Возьму рюкзак и молоток,
Сапог кирзовый я надену
И стану из себя растить
Геологическую смену.

Мне папа камешек привез,
Какой же он красивый!
Геолог папа у меня,
Геолог – это сила!

Пионеры (по очереди):

Кто первым пройдет по тайге?
Кто первым руку протянет другу?
Кто смело встречает бураны и вьюгу?
Кто скажет «спасибо» усталой ноге?

Хор пионеров (громко):

ГЕОЛОГ!

Через пару лет празднование Дня геолога переместилось в Дом ученых, а с 1990-х – снова в конференц-зал: брать теперь в аренду ДУ институту стало не по карману. Но это уже другая история.

С любовью к геологии и ко всем геологам прошлого, настоящего и будущего!

Щербов Борис Леонидович – канд. геол.-мин. наук, ст. науч. сотрудник ИГМ, ветеран ИГиГ (работает с 1959 г.)